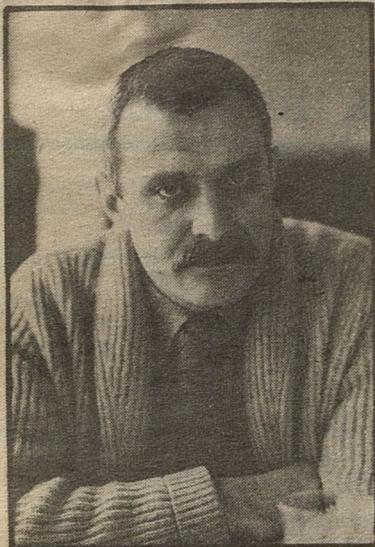

Никита Михалков:

С кинорежиссером **Н. МИХАЛКОВЫМ** беседует наш корреспондент **Р. РЫКОВА**.

— Никита Сергеевич, по вашим же словам, вы никогда не были ни правым, ни левым, не выступали на митингах и тем не менее во время осады «Белого дома» оказались среди его защитников...

— Да, я не был ни левым, ни правым, вообще не считал необходимым примыкать к кому бы то ни было, ибо уверен, что дело художника — заниматься творчеством и этим выражать свою позицию.

Что же касается недавних событий, это другое, это не имеет отношения к идеологии. С моей точки зрения, это оскорбление личности, оскорбление народа, державы, человеческого достоинства. Никто и никогда не имеет права разговаривать с Россией с позиции силы.

Я был там и в первый раз в жизни подписал коллективное письмо, чтобы не дать повода думать, что я и в этом случае оказываюсь в нейтралитете. Я не нейтрален, когда дело касается таких вопросов, как уваже-

ние достоинства народа в целом и каждого человека в отдельности, понимание свободы, как сокрытие индивидуальной ответственности за коллективную безответственность. Далеко и от того, что дал повод говорить: наконец-то, мол, Михалков стал на сторону демократов.

— Другими словами, вы поддержали сопротивление не из каких-то политических соображений?

— Я пришел защищать правительство своей державы как ее гражданин.

— Как реагировали домашние на ваше решение ехать в «Белый дом»?

— Жена и дети не знали. Я сообщил об этом только брату Андрею Кончаловскому и отцу.

— Может быть, мой вопрос покажется вам некорректным, но как вы объясните то, что Андрей Кончаловский в те дни уехал не только из Москвы, но и из страны?

— Я позвонил брату 20 августа, у него был день рождения, и попросил его уехать. Во-первых, два месяца назад у него родилась дочка, во-вторых, он совсем не общественный человек. Есть люди, которые могут принести пользу своим физическим существованием в определенном месте, другие полезнее бывают, оказавшись вдали от него. Я был совершенно убежден, что поступаю в данном случае правильно. Не буду скрывать, что мной руководил и инстинкт родового самосохранения. Ведь случись самое страшное, никого бы не пожалели... а так хоть кто-то, носящий нашу фамилию, остался бы.

— Многие считают, что день 20 августа развел вас с отцом по разные стороны баррикад. Вы пошли в «Белый дом» защищать законное правительство России, отец в тот же день на заседании секретариата Союза писателей СССР вместе с некоторыми его участниками поддержал переворот.

— Можете ли вы представить себе, что человек, который знает, что его сын находится в «Белом доме», поддержит тех, кто собирается этот дом расстреливать? Хотя бы из чисто элементарной логики этого не может быть. И этого не было. На том заседании они не приняли никакой резолюции и решили ждать сессии Верховного Совета.

Сейчас так просто обвинить людей, которые никак не высказались о путчистах. Моему отцу 78 лет, накануне он четыре месяца пролежал в больнице, перенес три операции, вполне мог сказать больным и не ходить на то заседание, а он пошел, не знаю зачем, но и не могу осудить его за то, что он не кинулся на баррикады. И эти противопоставления не сделают из меня Павлика Морозова.

— А что вы думаете о другом противопоставлении: деятели культуры, стоявшие в цепочках самообороны, и министр культуры Губенко, писавший, как сообщила одна из газет, в те же самые часы Лукьянову: «Я был вовлечен в политику два года назад, уверовав в реформы Горбачева...».

— Коля Губенко замечательный артист и хороший режиссер. Но мне трудно судить о нем как о министре культуры.

«Свободы в окопах не бывает»

Аргументы и факты - 1991 - сем. (№36) - С.

Когда я слышал его выступление по телевидению или перед интеллигенцией, меня не покидало чувство, что на него слишком большое влияние оказало исполнение роли Ленина. Однажды Губенко произнес интересную фразу: «Русский человек может быть свободным только в окопе». А Грибоедов сто с лишним лет тому назад воскликнул: «Какой ужас! Чувствую себя свободным только в храме!». Вот и разница.

Если говорить о сегодняшней ситуации, я не хочу делать выводы по весьма противоречивым слухам, которыми так переполнено наше время. Время, которое еще обозначено и «охотой на ведьм». Как поступил Коля Губенко — это дело его совести и как министра, и как артиста, и как человека. Во всяком случае, если Николай Губенко захочет вернуться в кинематограф, поставить картину, сыграть в ней, я с удовольствием предоставлю ему свою студию и те возможности, которыми сам располагаю.

— В свое время вы отказались от поста министра культуры, почему?

— Потому что не могу быть объективным в силу своих привязанностей и антипатий в искусстве. Дело не в том, что я бы разделил всех на черных и белых, само понятие «министр культуры» — это что-то неконкретное. Я понимаю, за что отвечает министр обороны или, скажем, министр эстрады, но министр культуры...

Принимая предложение премьер-министра Силаева стать его советником по культуре и культурным связям с зарубежными странами, я сказал, что единственное, чем могу быть по-

лезен, — это дать чисто субъективную оценку того или иного момента, явления, и, если он доверяет мне как человеку, которому ничего от него для себя лично не нужно, — я согласен.

— Что вы думаете о Ельцине и его команде?

— Мое отношение к Борису Николаевичу Ельцину складывалось по-разному, причем не в силу того, выигрывал он или проигрывал. Я достаточно самостоятелен в своих суждениях, и, надеюсь, у вас нет оснований сомневаться в этом. Во-первых, во всех своих поступках — он мужик, что очень важно. Я чувствовал, как в моменты опасности адреналин у него срабатывал отнюдь не в сторону быстрого свертывания своих идей и тихого ухода в сторону. Во-вторых, он хорош собой, что немаловажно для политика такого ранга, и красив в своих поступках, которые вызывают огромное уважение.

По моим впечатлениям, вице-президент Александр Владимирович Рудкой в какой-то степени управляем эмоцией и, может быть, даже не всегда своей, но это боец, это русский офицер и человек чести, с которым можно говорить открыто.

О премьер-министре российского правительства Силаева, могу сказать только одно: я благодарен Богу, что привелось оказаться с ним в одной упряжке.

— У вас тоже была замечательная команда: Лебешев, Адабашьян... Не жалеете, что она распалась?

— Мне печально, что так случилось. Представьте себе организм, который нормально функционировал, и вдруг произошло атрофирование неких мышц, а значит, и возможностей.

Я мучительно пережил этот разрыв. Пожалуй, так же мучительно, как и смерть моей матери.

— Такое впечатление, что победная эйфория захлестнула и «верхи» и «низы», будто с провалом переворота разом исчезли все наши проблемы.

— Они не только не исчезли, наоборот, обозначились. Я говорю о том буйстве массовой культуры, которая нас захлестнула. Мы думали, что Запад открыл нам кран с ключевой водой, а выяснилось, что он выплеснул все пошлое и бездарное. И это стало олицетворением свободы у нас. Надо признать, что понимание демократии, как вседозволенности и бесконтрольности, породило в основном чистую коммерциализацию в творчестве. Слепое, наивное следование западной культуре без учета своих корней и собственной культуры повлекло за собой обезличивание нашего искусства.

Нельзя допустить, чтобы победа ассоциировалась с очередной возможностью продолжить патологическое прививание безвкусицы. Даже путчисты, а по моему глубокому убеждению, это люди неласкательные, не знающие своего народа и не испытывающие уважения к нему, сумели сформулировать претензии к происходящему. И нельзя сказать, что они не справедливы. Разве не справедливо, что в стране царит развал экономики, что ее захлестнула волна преступности, что рутшатся нравственные устои нации? Если победившие не поставят эти проблемы перед собой, а будут апеллировать только к своей победе — это крах.